

Каникулы! Эта радость удваивалась свободой, весь июнь я должен был жить один. Не в полном одиночестве, конечно: родители оставили под мою опеку Александра Ефимовича, отца моего отчима. Забавный старик уже давно удивлял всех своими выходками. Прошлой весной он пошёл выносить мусорное ведро и уехал с Ленинского проспекта выбрасывать содержимое в Сокольники, к стадиону братьев Знаменских, где проживал ранее. А на днях вышел во двор, а через сутки милиция обнаружила старика на лавочке у Большого театра.

Москва меняла свой облик, а я с друзьями каждый день спешил на Сретенку к открытию книжного магазина. Впервые в продаже появились цветные альбомы и наклейки с фотографиями футболистов – участников чемпионата мира в Италии. Спекулянты, менялы и накачанные ребята из Подмосковья сопровождали длиннющие очереди, а у метро перепродавали водку, играли в «напёрстки» и «три листа» иногородние суетливые парни.

Центральное телевидение в первый раз отважилось на трансляцию всех матчей чемпионата мира. Казалось, весь мир замер в преддверии футбольного торжества.

Девятое июня... первый матч сборной СССР на мундиале. Перед самым началом трансляции дверь распахнулась, и с улыбкой и извинениями в комнату, прихрамывая, заспешил Александр Ефимович. Как обычно, старик был одет в каштановый пиджак с орденом Красной Звезды поверх белой майки и синие тренировочные штаны, которые он усиленно вытягивал, подгоняя под армейские галифе. Я не был рад его появлению. Но как прогонишь старика?

Усаживаясь на стул, Александр Ефимович весело начал разговор:

– Ну что, Старостина освободили, теперь игра у «Спартака» наладится, чемпионство не за горами. Я ведь тоже когда-то за «Дукат» в полузащите играл. – Старик помолчал минуты две и вновь оживился:

– А кто сейчас капитан «Спартака»?

– Федор Черенков, – чёрство ответил я.

Началась трансляция, комментатор называл состав сборной СССР, перечисляя футболистов киевского «Динамо»: Владимира Бессонова, Олега Кузнецова, Анатолия Демьяненко, Геннадия Литовченко, Олега Протасова, а старик, сидя вполоборота к телевизору, вдруг заулыбался и сказал:

– Наши ребята из киевского «Старта»!

Я не сразу сообразил, о чём говорит Александр Ефимович, и хотел было возразить ему, но постеснялся, я внимательно посмотрел на него, а он улыбался, качал головой и говорил:

– Наши! Наши герои! Николай Трусевич, Иван Кузьменко, Алексей Клименко, Николай Коротких, Макар Гончаренко.

Началась игра. Во время трансляции матча комментатор непрерывно называл фамилии игроков сборных СССР и Румынии. Александр Ефимович внезапно окинул меня взглядом и спросил:

– С румынами играют?

– С румынами, – ответил я.

– Они что же, «Рух» уже обыграли и венгерский гарнизон, сейчас с румынами, а потом «Флакелф», я-то знаю, сейчас всё и начнётся!

Александр Ефимович повернулся ко мне и спросил:

– Помнишь, как они их дважды разделили?

– Помню, вернее, знаю – 5:1 и 5:3. «Матч смерти!» – смущённо ответил я.

В самом начале игры на второй минуте после великолепного паса Александра Заварова Олег Протасов оторвался от защитника сборной Румынии, вышел один с голкипером румын Лунгом и пробил, но вратарь с лёгкостью устранил опасность. Были активны белорусы Сергей Горлукович и Сергей Алейников, опасно действовал воспитанник тираспольской футбольной школы Игорь Добровольский, а ближе к концу первого тайма Александр Заваров, обыграв румынского защитника, пробил вслепую, Лунг успел выйти вперёд, сократить угол, и парировал его удар. Румынская сборная стала остро контратаковать, комментатор постоянно перечислял фамилии: Лупеску, Сабэу, Лэкэтуш, Радучою...

– Антонеску, Думитреску, Константиnescу, – встревоженно повторил Александр Ефимович. – Румыны? – ещё раз грозно переспросил он меня.

– Румыны, румыны! – рассмеялся я.

– Румыны, цыганскую их мать! У-у-у-у-у, пададь! – проголосил старик.

Я никогда не слышал, как ругается Александр Ефимович. Я был ошарашен и смотрел на этого дряхлого деда с тревогой.

– Знаешь, как они в Одессе на работу плетками людей выгоняли? Знаешь? А как они, мадяры, немчура поганая, баб наших драли? – он требовал ответа и свирепел.

Мне было неполных пятнадцать, я смотрел на разгорячённого ветерана и не знал, что ему ответить.

– Румыны, суки продажные! Не воины, дерьмо. Мы их с Мишкой-одесситом в плен даже не брали. Давили! Он хороший паренёк был, еврей, ему двадцати ещё не исполнилось, всё мечтал после войны в море ходить и в «Гамбринус» легендарный меня приглашал, только нет его, в Трансильвании заживо сгорел. Какой парень погиб! Я после войны к его родне в Одессу на Бунина и в Киев на Крещатик гостить ездил. Родня его киевская чудом выжила, их священник православный, кавалер георгиевский, окрестил и выдал свидетельства, так он всю их семью от Бабьего Яра спас, а скольких ещё кто сосчитает? Только в памяти у киевского еврейства тот священник остался, его служители автокефалистов-самостийников – гарные хлопцы в рубахах с нагрудной вышивкой – распяты пытались, да не смогли, проволокой колючей к кресту привязали, бензином облили и сожгли живьём. Знали мы о многом и давили с Мишкой всю эту погань так, чтобы всю жизнь помнили, давили на Украине, давили в Румынии, везде, где попадались подстилки гитлеровские. Всех их помню! Антонеску – кондукэтор сраный – за ним след кровавый по Бессарабии через Буковину в Одессу и Сталинград ведёт, а Думитреску – я ему и Днестр, и Крым не забуду, крыса одноногая, перекрашенная, а Константиnescу, Мочульский, Дэскелеску...

Фронтовик с трудом самостоятельно передвигался, но с какой яростью он вспоминал, как честно и люто ненавидел, я подумал, что в нём живёт та самая строчка из священного гим-

на Василия Лебедева-Кумача: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна, – идёт война народная, священная война», только для Александра Ефимовича война была не закончена.

А на сорок первой минуте стремительный полузащитник сборной Румынии и бухарестского «Стяуа» Мариус Лэкэтуш забил первый мяч в ворота сборной СССР.

Первый тайм был окончен.

Я смотрел, как восседал на румынском стуле из красного дерева Александр Ефимович, а его самодельные галифе становились мокрыми, капли стекали в тапочки.

– Пойдемте, – уныло протянул я.

– Куда-а-а-а-а? – виновато и боязливо поинтересовался он.

– В ванную, мыться.

Начало второго тайма было за румынскими футболистами, которые превосходили сборную СССР в скорости и собранности. Арбитр усмотрел игру рукой в штрафной площади у экс-спартаковца Вагиза Хидиятуллина и ошибочно назначил пенальти, которого не было. Мариус Лэкэтуш уверенно переиграл Рината Дасаева – 2:0.

Александр Ефимович сидел на стуле, обтянутом клеенкой: после ванной комнаты я завернул старика в простынь.

Он внимательно посмотрел на меня и угрюмо промямлил:

– А пиджак?

– А он вам очень нужен? – спросил я.

– Мне без пиджака никак нельзя, мне орден сам Драгунский вручил, наш комбриг, геройский мужик был, в нём жила сила духа необычайная, Самсон ветхозаветный позавидовать мог. У него на Родине в Черниговской области фашисты расстреляли отца, мать, сестёр, братья на фронте погибли, он, знаешь, какой был? В сорок третьем я в танке горел, моя машина первая ворвалась на вражеские позиции, нас подбили, слава богу, все уцелили. Я слово комбригу дал, что, пока жив, не сниму награду.

Я молча принёс Александру Ефимовичу пиджак, накинул ему на плечи, он заулыбался.

– Под Житомиром зимой сорок третьего комбриг наш вперёд всех вырвался на танке, ему это было не впервой, ранили его в том бою тяжело, так-то... Я ведь Киев и Правобережную Украину под командованием Драгунского освободил, потом ранен был, случайно нахитгальцы¹, суки недобитые, подстрелили. Ну это что! Я бандеровских² выблютков до середины пятидесятых истреблял, так что – в расчёте.

За два года до чемпионата мира я с отчимом и его сыном от первого брака был в гостях у Александра Ефимовича, который проживал тогда в одиночестве на улице Подбельского. Внук Александра Ефимовича как-то зловеще обратился к деду:

– Ну что, дед, здорово.

Дед читал пожелтевший номер «Красной звезды» десятилетней давности.

¹ Нахитгальцы – пособники фашистов, зверствовавшие на Украине.

² Бандеровцы – Украинская повстанческая армия (УПА) – вооруженное крыло ОУН(б). Действовала с весны 1943 года на территориях, входивших в состав генерал-губернаторства (в Галиции – с конца 1943-го, на Холмщине – с осени 1943-го), рейхскомиссариата Украина (в Волины – с конца марта 1943-го) и румынской Транснистрии (Заднепровья), с лета 1944 года – в Северной Буковине.

– Дед, а дед, это я, твой внук Саша, – желчно ухмыляясь, проговорил мой тезка. Александр Ефимович, не отрываясь, читал газету, он вообще был глуховат – сказывалась житомирская контузия. Мы стали собираться, в этот момент Александр Ефимович достал носовой платок, стал громко сморкаться и харкать.

Как я узнал позже, мой отчим студентом был на практике в Алтайском крае, он вернулся домой с беременной девушкой Надеждой. После войны Александр Ефимович работал в МГБ, и для пенсионера-чекиста не составляло труда узнать всё о новоиспечённой родственнице. Как оказалось, барнаулка была дочерью одного из оуновцев¹, после лагерного срока осевшего на Алтае. В морозный вечер на Сретение Александр Ефимович выгнал сына и сноху с ребёнком.

Становилось понятно, что сборная Румынии доминирует на поле и может выиграть с более крупным счётом. Комментатор искал причины поражения, ругал футболистов, и в тот момент, когда он назвал Василия Раца, Александр Ефимович вновь оживился:

– Это какой Раци? Иштван? Лайош? Вражина! – сквозь зубы процедил старик.

А что мне было ему ответить? Объяснять, что Василий Раци – футболист сборной СССР, заслуженный мастер спорта, серебряный призер чемпионата Европы, бывший игрок киевского «Динамо», выступающий за «Эспаньол» из Барселоны?

– Венгры! – ядовито усмехнулся старик. – Их я тоже помню, особенно Сталинград, а кто-то – Дебрецен, Будапешт или Балатон. И вождей их помню: Хорти, Яни, Салашы, Вайна, Карой! Как забыть, жалость одна: не я их к стенке ставил, не я их на виселице вздёрнул, вот ничего уже больше не могу, а всё сожалею, что не я. В Венгрии я и воевал, и после войны там бывал часто. Еда там вкусная, свой вкус, особый, немного украинскую кухню напоминает. Свинины много венгры едят, и гуляш, и паприкаш, и паштет гусиный у них что надо, а палинка² какая – м-м-м-м... – усмехнулся старик. – Только я, когда Венгрию вспоминаю, всё один вечер на ум приходит. Вблизи советской части в деревеньке играли свадьбу, весело было, солдатиков наших на свадьбе палинкой так наугощали, что они все пьянющие задремали. И даже те, которые были на посту. А вот поутру нас туда и вызвали. Смотреть было страшно! Никого мадьяры не пожалели, а ребята все хохлы, совсем молоденькие, я и не знаю, как сказать: гуляш из них сделали или паприкаш, а может, ретеш. Сонным всем им перерезали глотки, а потом вспороли животы, а некоторых разрубили на куски. Такой вот кровавый чардаш. Так было спустя пять лет после нашей Победы, и не раз.

Матч между сборными СССР и Румынии был окончен, румынские футболисты и болельщики праздновали победу, а Александр Ефимович смотрел на меня с повинной гримасой. Я протянул ветерану руку, и мы отправились в ванную комнату.

Вскоре сборная СССР сыграла свой прощальный матч на чемпионате мира в Италии тысяча девятьсот девяностого года. Мы каждый вечер смотрели футбол вместе с Александром Ефимовичем, я готовил еду, мыл его, а по ночам слышал судорожные вскрики:

– За Родину-у-у-у-у-у! За Сталина-а-а-а!

¹ ОУН – Организация украинских националистов – украинская политическая организация, действовавшая в основном на территории Западной Украины (период наивысшей активности – конец 1920-х – 1950-е гг.).

² Палинка – венгерский фруктовый бренди.

Как-то ночью перед финалом чемпионата мира я почувствовал, что в комнате я не один. Александр Ефимович при полном параде стоял напротив иконостаса. Всматриваясь в иконы, старый коммунист взглянул на меня и спросил:

– Как думаешь, Бог есть?

– Есть, – ответил я.